

вмешательства в коллизии общественного бытия. Таким образом, привычная жанровая структура наполняется новым лирическим содержанием.

Вторая тенденция наиболее ярко проявляется в творчестве В.К.Кюхельбекера. Носителем традиционного типа мироотношения, закрепленного за лирическим субъектом в современном дружеском послании, у Кюхельбекера оказывается адресат. Именно адресат мыслится в посланиях поэта-декабриста в своеобразной, литературно маркированной среде тихого приюта, облик его совпадает с привычным обликом домоседа, ленивца, эпикурейца в посланиях "К домоседу", "К барону Розену" и др. Лирический герой в этих посланиях оказывается носителем принципиально иного типа мироощущения и мироотношения. Вместе с ним в текст послания врывается большой мир грандиозных страстей, жизнь в ее многообразии, полная бурь и общественных катаклизмов. Душа лирического героя, сопряженная с этим миром, способна переживать необыкновенные по силе и диапазону эмоции. Композиционное противопоставление грандиозных образов большого мира и тихого уголка с его мелкими деталями и подробностями, конфликтность стилевых и интонационных красок выявляет глубинную конфликтность отношений между героем и адресатом, суть которых - в противопоставлении двух пониманий поэтического отношения к миру. Таким образом, жанровые процессы в декабристской лирике позволяют уточнить наше представление о функционировании разных поэтических школ, о специфике их взаимосвязей и взаимоотношений.

В.П.Лукиянин

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТА

Литературный факт не существует вне контекста, как не существует слово вне языка, а живая клетка вне организма. Вырванное из контекста национальной литературной традиции, контекста времени, определенного направления произведение воспринимается неполно, искаженно или даже вообще утрачивает свой смысл для читателя. Точно так же не может быть адекватно воспринят фрагмент художественного текста,

вычлененный из контекста произведения. Напротив, текст нехудожественного происхождения может быть введен в литературный контекст и в результате обрести статус литературного факта. (Возможно, например, включение в ткань произведения подлинного документа, а случается, что и сам по себе документ, не претерпев каких бы то ни было изменений, осознается как художественное произведение.)

Литературный контекст не есть объективная данность: существование миллионов томов на полках книгохранилищ никак не повлияет на восприятие конкретного произведения конкретным читателем, пока хотя бы некоторые из них не будут последним прочитаны. Контекст - это след прочитанного, оставшийся в активной памяти или в подсознании. В этом смысле контекст индивидуален: одно и то же произведение кому-то может доставить неизъяснимое удовольствие, а кого-то другого повергнуть в неодолимую скуку. Но связи, влияния, ассоциации, смысловые параллели и т.п. между литературными фактами, отмеченные одним читателем, могут быть подсказаны им другому читателю и обогатят его восприятие контекста. Поэтому в условиях развитой публичности формирование литературного контекста неизбежно приобретает характер коллективного действия, контекст постепенно расширяется до границ национального самосознания (чему особенно много способствуют литературоведение и критика), а его результаты становятся важным общественным достоянием. При этом отдельные литературные факты как бы выстраиваются в некие содержательные, пронизанные внутренними связями и постоянно развивающиеся ряды - в принципе одни и те же и для писателей, и для читателей (хотя и поддающиеся индивидуальной интерпретации), поскольку те и другие относятся к одному человеческому сообществу. Так возникает литературный процесс.

Литературный процесс - это по сути единый общенациональный контекст, определенным образом упорядочивающий жизнь литературы; им устанавливаются критерии, ориентиры, репутации, им задается направление и степень влияния литературы на духовную жизнь общества в целом. В силу известных особенностей нашей "модели социализма" литературный процесс у нас в советские десятилетия был предметом пристального внимания со стороны партийно-государственных органов. Трудami партийных ученых и кри-

тиков под присмотром идеологических кураторов он постепенно приобрел видимость впечатляюще всеохватной, цельной, логически стройной и строго субординированной системы. Поскольку система эта выстраивалась на базе идеологических - то есть внеэстетических - предпосылок, то и контекст, в котором обретали смысл и оценку конкретные литературные факты, оказывался в зависимости от факторов внелитературных: от географии (центральное или местное издание), места в служебной иерархии ("секретарская" литература), возраста (участник совещания молодых писателей), этнической принадлежности, темы и т.п.

Система подкупала простотой, доступностью и эффективностью в плане осуществления честолюбивых притязаний, но самым очевидным образом игнорировала именно то, что составляет душу художественного произведения - талант и мастерство. Поэтому вполне естественным было неприятие со стороны писателей, по тем или иным причинам не нашедшим в системе места, адекватного своим притязаниям, не только чуждой им системы, но и какой бы то ни было регламентации литературного творчества вообще. Отсюда - широко распространенное в литературной среде потребительски-снисходительное или даже открыто враждебное отношение "творцов" к критикам и редакторам, а также отрицание самого понятия "литературный процесс", якобы лишённого рационального смысла, и типологических подходов к литературе вообще.

Социально-политические и идеологические перемены последних лет радикально и, видимо, бесповоротно разрушили общенациональный литературный процесс, вместе с ним исчезло и ощущение единого контекста. А вместе с контекстом ушло не только многое из того, что служило стимулом к творчеству, но и само творчество как бы утратило социально значимый смысл. Поэтому вполне объяснимо стихийное стремление многих литераторов обрести новый контекст. Эта тенденция наиболее заметно проявляется в учреждении новых журналов (при том, что старые с трудом сводят концы с концами) и в издании антологий. Вместе с тем начинают осваиваться - пока еще робко и неумело - специфически рыночные средства имитирования контекста: издание книжных серий, реклама, "раскручивание" литературных имен в газетно-журнальных обзорах, развертывание системы литературных

премий и т.п. Коммерческая эффективность такой работы более или менее очевидна, но нуждается в теоретическом осмыслении ее социокультурное значение, а также требуют выяснения внутренние законы существования и развития литературного процесса: взаимодействие регионального и национального контекстов, соотношение социально-психологических и эстетических целей литературы, роль направленных и стихийных факторов в стимулировании литературного творчества, статус творческой индивидуальности в потоке литературных фактов и т.п.

А.В.Маркин

ЦЕНЗОР И СОЧИНТЕЛЬ: К ИСТОРИИ РУССКОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Существование дидактической поэзии в русской литературе XVIII века можно определить как почти всецело формальное. Так, например, по традиции дидактическая поэзия считалась *поэзией мысли*. Но вот как раз мысль (например, о необходимости для поэта знать грамматику и логику) в дидактических стихотворениях была обычно банальной, очевидной и не составляла предмета размышления. Зато в тени обычной дидактической риторики развивалась целая новая система подразумеваемых и намеков, которой и определялось значение стихотворения. Та или иная мысль в сатире или послании была лишь предлогом для осмеяния совершенно конкретных лиц - противников автора; об этой цели все знали, но она должна была быть замаскированной условными именами и обстоятельствами. Авторы достигали подлинной виртуозности, балансируя между отвлеченными рассуждениями и явными оскорблениями; законы этой игры оставались неизменными, смещаясь в направлении большей откровенности.

Положение *мысли* в художественном тексте принципиально меняется в дидактических произведениях Пушкина и Баратынского. Яркий тому пример - "Послание к цензору". Оно содержит явную перекличку с "Разговором цензора и его друга" А.А.Шаховского. У Шаховского говорится о гражданских обязанностях цензора, о литературной продукции, которую вынужден он читать. "Мысль" Шаховского совершенно очевидна: цензор стоит на страже религии, благонравия и хо-